

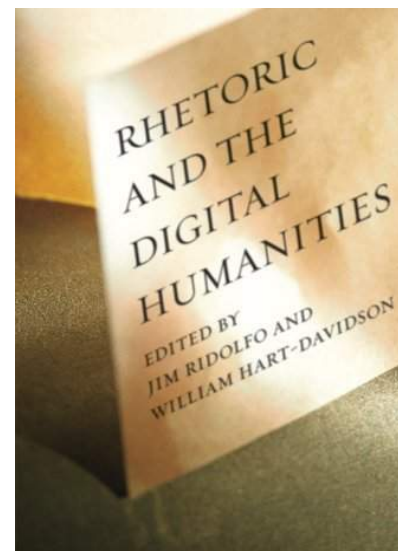
НОВЫЕ КНИГИ О РИТОРИКЕ

Вера Владимировна Котелевская

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
e-mail: luga17@rambler.ru

Аннотация. В обзоре рассматриваются новые зарубежные издания, содержащие различные концептуализации риторики: от комментированного переиздания философско-лингвистических текстов Ницше (Nietzsche F. *Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn*. Stuttgart: Philipp Reclam. Kindle Edition, 2015) до исследования фигуры литоты у Кафки (Mayer M. *Franz Kafkas Litotes. Logik und Rhetorik der doppelten Verneinung*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2015) и коллективного труда американских ученых по цифровой гуманитаристике, где риторика выступает в качестве общего метаязыка (*Rhetoric and the Digital Humanities* / Ed. by Jim Ridolfo and William Hart-Davidson. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2016).

Ключевые слова: риторика, риторический поворот, цифровая гуманитаристика, Матиас Майер, Фридрих Ницше, Вильям Харт-Дэвидсон, Джим Ридольфо.

В данном библиографическом обзоре представлены три книги, так или иначе отражающие судьбы риторики в индустриальную и постиндустриальную эпоху: переизданная «риторика» Ницше, осуществившего ревизию философии языка и подготовившего период лингвистического скептицизма; прикладное исследование «риторики» Кафки, воплотившего дух модерна; коллективный труд американских исследователей, посвященный постчеловеческому этапу гуманитарных наук, вступивших в коллаборацию с компьютером. Три издания отображают разные этапы и методологические версии западного риторического проекта, развивавшегося в условиях кризиса модерна.

Об истине и лжи

Nietzsche, Friedrich. Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn. Stuttgart: Philipp Reclam. Kindle Edition, 2015.

Открыть обзор хотелось бы с родоначальника «поворотов», так или иначе изменивших облик гуманитарных наук в XX столетии – с Фридриха Ницше. В издательстве “Philipp Reclam” вышел добротный подготовленный – ориентированный на академическое издание [Nietzsche 1980]¹ – сборник его статей, речей,

¹ Все тексты воспроизводятся по последнему «исследовательско-критическому изданию» (kritische Studienausgabe) наследия Ницше в 15 томах, за исключением фрагмента лекции «Изложение античной риторики» (“Darstellung der antiken Rhetorik”), кото-

фрагментов, посвященных риторической природе и, шире, философии языка. Издание снабжено подробными комментариями и историко-философской статьей (К. Сина), основательно знакомящей с генезисом, влияниями и источниками идей, с ключевыми тезисами, а также с историей рецепции предлагаемых читателю текстов. Большим подспорьем для исследователя станет и размещенная в конце избранная библиография по кругу тем: Ницше и «метафора», «кризис языка», «теория языка», «семиотика языка» и т. п. Прагматика такого переиздания видится полностью оправданной: всякий, кто сегодня захочет ознакомиться с лингвофилософскими идеями Ницше, получит научно выверенное, комментированное собрание текстов данной тематики, причем по весьма доступной цене и в любом формате (выпущены книжная и электронная версия книги). Учитывая, что философия языка последней трети XX столетия постоянно – явно и имплицитно – апеллирует к ницшеанскому лингвистическому скептицизму, к его иронии, проложившей путь деконструкции метафизики, полезность обращения к качественно и компактно изданным оригиналам не вызывает сомнения.

В сборнике представлены работы, в которых «риторичность» выводится за рамки красноречия – традиции, прекрасно извест- рый публикуется по изданию: Nietzsche F. Gesammelte Werke. Musarionausgabe in 23 Bänden. Bd. 5: Vorlesungen 1872 – 1876. München: Musarion, 1922. S. 297–300.

ной Ницше – классическому филологу – и вводится в контекст логико-философских споров об истинных и ложных высказываниях. Ключевым текстом является знаменитое эссе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» (“Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn”, 1873), к нему примыкают фрагменты, созданные в этот период, тесно связанные общей концепцией и известные, пожалуй, лишь специалистам: «О пафосе истины: Из пяти предисловий к пяти ненаписанным книгам» (“Über das Pathos der Wahrheit [Aus: Fünf Vorreden zu fünf ungeschriebenen Büchern]”), «Изложение античной риторики» (“Darstellung der antiken Rhetorik”, лекция, лето 1874), «Как “истинный мир” стал в конце концов вымыслом. История одного заблуждения» (“Wie die wahre Welt endlich zur Fabel wurde. Geschichte eines Irrthums”)¹.

Комментатор издания Кай Сина, доктор из Чикагского университета, известного своей риторической школой, специалист по германистике (а сейчас и приглашенный лектор в Гёттингенском университете Георга-Августа), так прямо и называет Ницше «философом языка», концентрируя внимание на тематизации языка в его работах и на постоянно занимавшей Ницше «языковой обусловленности и опосредованно-

сти собственного мышления». В результате этого языкового «посредничества» (Vermittlung) и возникли «неповторимая форма и в высшей степени индивидуальный стиль его произведений» [Nietzsche 2015, loc. 540]. При всей значимости языка в философских построениях Ницше, высказывания его на эту тему крайне разрозненны – они разбросаны по фрагментам, заметкам, афоризмам, так что, в сущности, существует лишь одно, и весьма краткое, сочинение, в котором дан общий набросок «происхождения языка и его значимости для познания и самопознания человечества» [Nietzsche 2015, loc. 548]. Это эссе «Об истине и лжи во вненравственном смысле» – «одна из самых влиятельных манифестаций кризиса языка (Sprachkrise) эпохи рубежа веков, серьезнейшие последствия которого в дальнейшем особенно сказались на литературе модернизма», позже идеи Ницше вошли в «основной интеллектуальный инструментарий» постструктуралистов, а выражение об «истинах» как «метафорах», которые «используются и теряют свою чувственную силу», стало «само собой разумеющимся в постмодернистском дискурсе» [Nietzsche 2015, loc. 548–555].

Действительно, если Аристотель ставил в один ряд риторику и «диалектику» как метод отыскания истины в рассуждении и размышлении, то Ницше уже только искренне удивлялся, как это человеческий интеллект, достигший «вершины» в «искусстве притво-

¹ Биографический контекст и творческий генезис текстов Ницше начала 1870 г., посвященных «критике языка», реконструирован, в частности Г.Г. Гёдлем, на работу которого ссылается К. Сина [Hödl].

ряться» и способный лишь «играть на ощупь за спиной вещей», отваживается при этом на «честное и чистое стремление к истине» [Ницше 2003, с. 357–378]¹. Значительно раньше Ф. де Соссюра Ницше приходит к идее конвенциональности языка, которая будет сформулирована французско-швейцарским лингвистом как «произвольность знака» [Соссюр, с. 100]. «В самом деле, – рассуждает Соссюр, – всякий принятый в данном обществе способ выражения в основном покоится на коллективной привычке, или, что то же, на соглашении» [Там же, с. 101]. Основная идея здесь связана с отсутствием мотивации между означающим и означаемым, т. е., в терминах логики, с отказом от принципа истины (*veritas*) как *adaequatio rei et intellectus*, а в словаре Ницше, наконец, и вовсе от соответствия слов или высказываний критериям «истины» и «лжи». «Соответствуют ли обозначения вещам? Является ли язык адекватным выражением реальности?» [Ницше 2003, с. 359] (“decken sich die Bezeichnungen und die Dinge? Ist die Sprache der adäquate Ausdruck aller Realitäten?” [Nietzsche 2015, loc. 88–89]). Нет никакой «достоверной» (*wahrliche*) связи между обозначением камня словом «камень» (*Stein*) и его свойств – словом «тверд», а су-

¹ Здесь и далее цитаты из “Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn” даются в существующем русском переводе [Ницше 2003, с. 356–374], остальные цитаты рецензируемого издания даются в нашем переводе.

ществование разных языков, закрепляющих за предметами и отношениями различные знаки, лишь подтверждает «произвольность» обозначений²:

Мы разделяем предметы по родам, “куст” у нас мужского рода, “лоза” – женского: совершенно произвольные обозначения! Как далеко мы вышли за канон достоверности! Словом Schlange мы обозначаем змею: это обозначение указывает только на ее способность завиваться и, следовательно, оно годится и для червя. Как произвольны ограничения и как односторонни предпочтения, которые мы даем при этом то тому, то другому свойству вещи! Если сравнить различные языки, то видно, что слова никогда не соответствуют истине и не дают ее адекватного выражения: иначе не было бы многих языков. “Вещь в себе” (ею была бы именно чистая, беспоследственная истина) совершенно недостижима также и для творца языка и в его глазах совершенно не заслуживает того, чтобы ее искать. Он обозначает только отношения вещей к людям и для выражения их пользуется самыми смелыми метафорами <...> Мы думаем, что знаем кое-что о самих вещах, когда говорим о деревьях, красках, снеге и цветах; на самом же деле мы обладаем лишь метафорами вещей, которые совершенно не соответствуют их первоначальным сущностям [Ницше 2003, с. 360–361].

Вывод Ницше известен: «Итак, что такое

² Данный ход рассуждений сближает Ницше с идеей В. фон Гумбольдта о «внутренней форме» языка.

истина? Движущая толпа метафор, метонимий, антропоморфизмов, – короче, сумма человеческих отношений, которые были возвышены, перенесены и украшены поэзией и риторикой и после долгого употребления кажутся людям каноническими и обязательными: истины – иллюзии, о которых позабыли, что они таковы» [Ницше 2003, с. 362–363]. Представление Ницше о неспособности языка выражать «объективную» истину ввиду отсутствия связи языка с трансцендентным и, собственно, о метафорическом происхождении самого понятия «истина» (Wahrheit), уводит риторику далеко от классического аристотелевского представления в направлении софистики. Симптоматично, что Ницше актуализирует лишь один из декоративных ресурсов риторики – элокуцию – чтобы доказать фигурально-тропеическую природу всякого языкового (читай: «риторического») доказательства и тем самым обезоружить всякую аргументацию к логосу как соответствующую скорее этосу и пафосу. Пути риторики и «диалектики» *после Ницше* строго расходятся. Иронический потенциал «истины» по Ницше, как известно, возьмет в XX веке на вооружение философия прагматизма и постструктурализма; несомненно, и истоки манипулятивных стратегий XX–XXI вв. во многом обретают свою легитимацию в ницшеанской критике языковой референции. Ложь – больше не «ложь», это, скорее, «фикция», риторическое иносказание, коль скоро объективная

истина не может быть схвачена в языке.

В свете нашего интереса к риторике Ницше и у Ницше не меньшую ценность представляют малоизвестные фрагменты, представленные далее в рецензируемой книге.

В сочинении «О пафосе истины» «истина» снова артикулируется как заблуждение (“Getäuschtwerden”) – заблуждение, вдохновляющее лучших из человеческого рода – философов, достигших благодаря своим тщетным поискам бессмертия. Истина наделяется атрибутами иллюзорности («восторженная химера Бога»), преходящести («И чем была гераклитова истина? И где она теперь? Улетучившаяся мечта, стертая с человеческих мин вместе с другими мечтами!»), метафоричности («гордые метафоры “мировая история”, “истина” и “слава”») [Nietzsche 2015, loc. 385–391]. Истина, «извечно обреченная на неправду (Unwahrheit)», отображает лишь «веру человека в достижимость истины, в приближающуюся к самой себе иллюзию», и бытие человека – не более чем «постоянное заблуждение». Не только самое великое, но и «самое близкое» природа «замалчивает» (verschweigt) перед человеком – его собственное тело, относительно которого тот располагает «лишь некоторым обманчивым сознанием». «Он заключен в это сознание, но природа выбросила от него ключи», – афористично заключает Ницше [Nietzsche 2015, loc. 405].

Финал этого фрагмента оснащен профетической метафорикой Ницше, скорее нахо-

дящего для своих горьких «истин» о человеке красноречивые иносказания-образы, чем понятия. Философ, которому дано «видеть изнутри и наружу в расщелину каморки сознания», однажды узрит, «как покоится человек, в равнодушии незнания, на Жадном, Ненасытном, Отвратительном, Безжалостном, Убийственном, словно бы повиснув в грезах на спине тигра»:

*“Оставь его висеть!” – кричит Искусство.
“Разбуди его!” – кричит Философ. Однако и сам он, думая, что трясет спящего, впадает в еще более глубокую, магическую дремоту, – может быть, он грезит тогда об “идеях” или о бессмертии. Искусство могущественнее познания, ибо оно хочет жизни, а достигает лишь последней цели – уничтожения (Vernichtung)
[Nietzsche 2015, loc. 406–409].*

«Философ» Ницше – это ритор, аргументирующий знание о человеке доводами к «пафосу» и оснащающий свою речь тропами и фигурами. Однако, как показывает следующий фрагмент, и всякий говорящий – ритор.

Во фрагменте лекции «Изложение античной риторики», подготавливаемой для чтения в Базельском университете, Ницше расширяет исторически сложившееся понятие классической (греко-римской и наследовавшей ей схоластической) риторики до языка как такового, устраняя дихотомию «естественной» (безыскусной) и «искусственной» (ораторской, украшенной) речи. Подзаголовок «Отношение риторического к языку» прояс-

няет его цель – не просто «изложить» основы вполне традиционного знания, а полностью реконцептуализировать риторику. Конечная формула этой реконцептуализации: «Собственно, все, что мы обычно называем речью, есть фигурация» [Nietzsche 2015, loc. 484].

Ницше опровергает привычное представление о «риторичном», будь то характеристика автора, книги или стиля, как о «сознательном применении художественных средств речи», которое еще и – по крайней мере, в эпоху Ницше, с ее торжеством «натуральной» поэтики – порицается. Эстетический вкус современников Ницше остро реагирует на неестественность (“es sei nicht natürlich”), «впечатление преднамеренности» (“den Eindruck des Absichtlichen”), и в суждениях этого вкуса вся античная литература предстает «несколько искусственной и риторичной» (“etwas künstlich und rhetorisch”). В защиту античной прозы Ницше резонно обращает внимание на разность исторических условий создания и рецепции текстов в древности и сегодня: установка на «звучащую речь» тогда и на письменную – сейчас, отсюда и забота древних о восприятии на слух, о ритме и звуке [Nietzsche 2015, loc. 412–421].

Однако для XX века оказывается гораздо более важным даже не этот прорыв в «историческую поэтику», а вывод, к которому приходит Ницше, снимая антитезу ‘естественное’ – ‘искусственное’. Так называемое «риторичное» («как средство сознательного искус-

ства») он приравнивает к «бессознательному искусству» самого языка. Аристотелевское определение риторики как способности выявлять в каждой вещи и использовать то, что воздействует на слушающего и производит впечатление, он называет «одновременно и сущностью языка». Далее он переходит к эпистемологическому заключению, которое читателю уже знакомо по работе об «истине и лжи» и которое связано с утверждением произвольности знака: «язык так же мало, как и риторика, имеет отношение к истинному (das Wahre), к сущности вещей (das Wesen der Dinge), он хочет не поучать (belehren), а передавать субъективное возбуждение и восприятие Другому» [Nietzsche 2015, loc. 426–430]. Далее Ницше переходит к частностям, демонстрируя, что тропы и фигуры являются изобретением, уже имеющимся в языке, вскрывающим в предметах и явлениях мира лишь отдельные черты, т. е. целое – через часть («сущность вещей полностью непостижима»). Следовательно, «язык есть риторика, ибо он хочет передавать лишь мнение (dóxa), а не знание (episteme)» [Nietzsche 2015, loc. 439–441].

Итак, Ницше вводит риторическую проблематику в круг вопросов философии языка, подготавливая тем самым идеологическую почву и для лингвистического, и для риторического поворота XX века. Размышления над «истиной», «ложью», «фикцией», «иллюзией» в связи с эпистемологическими и суггестив-

ными возможностями языка оказались актуальными и в нравственном аспекте – в свете критики «языка Третьего Рейха» (В. Клемперер), шире – тоталитарных «новоязов», и в перспективе исследования манипулятивных практик массмедиа постиндустриальной эпохи.

Кафка в «чрезвычайном положении»
Mayer, Mathias. Franz Kafkas Litotes. Logik und Rhetorik der doppelten Verneinung. München: Wilhelm Fink Verlag, 2015. 155 S.

Авторитет Кафки как ключевой фигуры европейского модернизма непогрешим, а интерпретационный ресурс, кажется, неисчерпаем: в нем продолжают открывать новое и переписывать уже известное [Wirtz]. Так что исследователи и писатели начала XXI века показывают нам разного Кафку – «вечного сына» [Alt], «вечного жениха» [Raoul-Duval], художника-графика [Bokhove] и т. д. Способы говорить о Кафке варьируются в том числе и за счет привлечения все новых и новых методологических оптик. Матиас Майер, автор рецензируемой книги, предлагает перечитать самые разные тексты пражского гения – дневники, письма, афоризмы, «Замок», «Процесс», «Нору» и другие произведения – в риторическом ключе.

Сразу же оговоримся, что «риторика» представляется исследователю в довольно пестрых дисциплинарных контекстах, в итоге, однако, искусным образом сводимых

к единому интерпретационному полю.

«Литота» в заглавии книги настраивает на классический риторический (или стилистический) аппарат. Действительно, автор обещает «открыть в Кафке мастера литоты, который виртуозно обращается с неопределенностью и возможностями формулировок с двойным отрицанием» [Mayer, S. 7]. Литота берется в одном из значений: как двойное отрицание. Однако далее следует расширение перспективы: как замечает М. Майер, литота «вряд ли используется только как *стилистический* феномен» и будет рассматриваться им как «в высшей степени сложная фигура мысли (Denkfigur), а также как *повествовательная стратегия*» (курсив наш. – В. К.). Риторика, стилистика, нарративная поэтика – вот уже как минимум три области, в которых обещано изучение литоты у Кафки.

Однако этим строго филологическим ракурсом исследователь не ограничивается и вводит политическую и юридическую риторик, трактуя «модель исключения из правила» в агамбеновском значении «чрезвычайного положения» (Ausnahmestand / the state of exception). М. Майер указывает на возросшую популярность применения понятия «чрезвычайное положение» Джорджо Агамбена к Кафке (см. библиографию на эту тему: [Mayer, S. 36]). Итак, легализованное беззаконие «чрезвычайного положения», ««исключения исключения», с учетом «двойного отрицания», берется во внимание

как *языковая, риторическая, эвристическая* практика анализа текста»: автора «меньше интересует у Кафки “неправда” (Unwahrheit), чем то, что у него “не является неправдой” (“nicht unwahr” ist)» [Mayer, S. 7]. Таким образом, читателю предлагается что-то вроде двойной оптики: риторика в строгом смысле слова как техника анализа авторских художественных средств (ср. выше у Ницше: «искусственность», «искусность») и риторика как модель поведения, коммуникации авторского «Я», (метафорически?) соотносимая с политической «риторикой» Джорджо Агамбена (см. русское издание цитируемой М. Майером книги: [Агамбен]).

Логично, что начинает свое изложение М. Майер с исследования Кафки как «биографического автора» (1-й параграф 1-й главы, посвященной «познанию и стратегиям исключения», называется «Неженатый немецкоязычный писатель в Праге»). Воспроизводятся – с привлечением цитат из «Письма отцу», переписки с Юлией Вохрычек, Миленой Есенской и других документов и художественных текстов – все грани маргинальности («чрезвычайного положения», «травмы исключения» [Mayer, S. 9]) Кафки, вверженности в состояние вне закона – обыденного здравого смысла, бюргерского уклада семьи, отцовских представлений о должном (мужественность, деловитость), религиозно-этнического кодекса. Показательна самооценка Кафки в месте из «Письма отцу», которое

цитирует исследователь, где писатель сравнивает себя с «рабом, живущим по законам, изобретенным только для меня»: «и, сверх того, я не знал, почему я никогда не могу им полностью соответствовать» [Mayer, S. 10].

«Самый западный из западных евреев», Кафка остро ощущает свою конфессиональную, ментальную инаковость в среде ассимилировавшихся пражских («восточных») евреев: в письме Милене Есенской он признается в том, что не знает «ни одной спокойной секунды», что ничто не дается ему готовым, но должно быть добыто «тяжелейшим трудом» – и прошлое, и настоящее, и будущее [Mayer, S. 20]. По замечанию М. Майера, это чувство «двойного отрицания» «во всей виртуозности манифестировано в письме Макс Броду в феврале 1919 года», где Кафка словно проецирует свое самоощущение на характеристику Юлии Вохрыцек: «Еврейка – юная девушка, надеюсь, лишь слегка больная. Обычное и удивительное существо. Не еврейка и не не-еврейка, в особенности не не-еврейка, не немка, не не-немка» (“Das Jüdische ist ein junges Mädchen, hoffentlich nur wenig krank. Eine gewöhnliche und eine erstaunliche Erscheinung. Nicht Jüdin und nicht Nicht-Jüdin, insbesondere nicht Nichtjüdin, nicht Deutsche, nicht Nicht-Deutsche” [Mayer, S. 14]).

«Чрезвычайность» положения Кафки выражается, как можно заключить из хода рассуждений М. Майера, не только в литоте (во 2-м параграфе, анализирующем литоту как

«языковую форму “исключения”», находим лишь два примера этой фигуры), но и в антитезе – например, в столь знакомой всякому читателю оппозиции ‘самоумаление’ (Selbstverkleinerung) – ‘самовозвеличение’ (ср. в письме к Милене от 23 июня 1920 года: «я пешка из пешек» в шахматной игре, мечтающая занять место «короля» – «или даже всю доску целиком») (цит. по: [Mayer, S. 21]). «Пешка» и «король» – контекстуальные антонимы, составляющие антитезу. Подобных примеров, тропов и фигур, риторически никак не атрибутированных исследователем, или приемов риторической аргументации в прозе Кафки у М. Майера немало.

Параграф 1.3 посвящен раскрытию «чрезвычайного положения» Кафки на примере, как можно понять из хода исследования, пространственных метафор его произведений («Открытые и незапертые двери: пропавший в Замке»). И снова лексический строй книги подталкивает нас к выявлению фигуры антитезы: ведь М. Майер настойчиво собирает вместе всевозможные лексико-семантические варианты ‘включения’ – ‘исключения’ героя из сообщества в его «борьбе за признание» [Mayer, S. 29]: прибытие – отбытие, принятие – изгнание, интеграция – высылка и т. п. Ряд антитез пополняется далее столь значимыми номинациями, как ‘вина’ – ‘невинность’, ‘обвинение’ – ‘оправдание’, ‘признание’ – ‘отверженность’, ‘власть’ – ‘подчинение’. В этом ключе оказывается важным

и выделенное М. Майером пространство Америки как «пограничного», «порогового» пространства (“Schwellenraum”) [Mayer, S. 28]: граница структурирует противоположность состояний, положений героя. В свете приводимого в книге определения Г. Лукача «трансцендентальная бездомность», характеризующего героя романа модерна, перманентное пребывание кафкианских протагонистов на границе состояний, ценностей, миров, «отграничивание, исключение» их из законного сообщества (“Ausgrenzung”) является их главной атрибуцией.

Видится весьма верным в отношении художественной реальности Кафки выявление автором «семантической пустоты» (Bedeutungsleere) искомым пространств (Замок, Суд), которая «как раз и является источником власти, воздействия»; «семантической неопределенности», «мнимой пустоты» как невозможности «реконструировать значение» элементов этих пространств (служащих Замка или Суда, значения тех или иных поступков персонажей и т. п.) [Mayer, S. 30]. Но и К., как замечает автор, – «герой без черт, пустой образ без истории», «ничто». Незнаваемость и недоступность правил для отдельного человека, исключенного из общества, приводит к познанию «двойного отрицания» (“doppelte Verneinung”): Замок уклоняется от познания, его пустота – мнимая, ибо она определяется через полумрак и недостижимость, через исключение (“Aus-

grenzung”) К. <...> Мнимая пустота действует разрушительно, поскольку она, как двойное отрицание, избегает настоящего, позитивного, определенности, ведет к процессу истощения, которое, при всех устремлениях к признанию, не приводит к достижению настоящего. “Минус на минус” не дает в итоге плюса стабильной идентичности... К. осужден на смерть от истощения сил» [Mayer, S. 30–31]. Итак, по Майеру, «власть Замка проявляется в бесконечной отсрочке признания К., что свидетельствует в пользу того, что К. все-таки не должен быть “исключен” <...> Все три романых героя Кафки стоят перед дверьми, которые хотя и не заперты, но и не открыты» [Mayer, S. 33–34].

В заключительном параграфе 1-й главы рассматриваются аспекты применения понятия Дж. Агамбена к текстам Кафки. Зоны аномии – зоны, свободные от действия права, интерпретируются в философско-лингвистическом смысле как зоны «десемантизации слов вне дискурса», выявляющие «избыточное означающее» [Mayer, S. 60–61]. «Ненадежность» (Unsicherheit), «неопределенность» (Unbestimmtheit), «бессмысленность» (Sinnlosigkeit), «нечитабельность» (Unlesbarkeit) – в таких семантических координатах интерпретирует М. Майер «аномии» Кафки. Автор пытается подвести свою интерпретацию к легитимизации литоты как ключевой фигуры: так, он подчеркивает, что «литоте свойственна семантика

условия (Vorbehalt), противительности (des Adversativen)» [Mayer, S. 47]. Опираясь на работу Х. Штайнметца (1977), Майер говорит о «противительных структурах», «но-структурах», «но-историях» у Кафки (“Aber-Strukturen”, “Aber-Geschichten”), выражающих «симптом некоего постоянно поддающегося наблюдению противительного ограничения (Einschränkung), а также ограниченности (“Begrenztheit”) такого восприятия» [Mayer, S. 49]. В этом ключе автор снова возвращается к конфессионально-этнической идентичности Кафки и трактует ее в терминах «чрезвычайного положения», увязывая его наконец с «двойным отрицанием» литоты (тем самым осуществляя заявленный во 2-й главе синтез риторической, лингвистической и юридической «практик» литоты): как еврей Кафка – исключение из чехов и немцев, но как западный еврей – исключение из евреев Праги («восточных»).

Литота как средство выражения неуверенности, ненадежности, сомнительности, неопределенности, подробно разобранный М. Майером теоретически, становится удобным паттерном, объясняющим поэтику Кафки на всех уровнях, от пространственно-временной организации до персонажей и художественной речи. В 3-й главе он исследует «горизонты и границы литоты», обозначая важную для понимания этой фигуры «дилемму между “уточнением” и “нерешительностью”» [Mayer, S. 63], исследуя ее эписте-

мологические возможности. «Типичным для мышления Кафки случаем субверсивного уклонения от однозначности (“einer subversiven Vermeidung von Eindeutigkeit”)» М. Майер считает трактовку писателем «истины»: «“истина” как центральное понятие традиции, понимания, не может быть гарантирована такой литотетической моделью мышления, но может намекать на нее только как ненадежная возможность ‘не-ложного’». Например, в «Замке» есть такая фраза К., обращенная к Фриде: «Все, что ты говоришь, в определенном смысле правильно, это не неправда, только враждебно» (“Alles was Du sagst, ist in gewissem Sinne richtig, unwahr ist es nicht, nur feindselig”) [Mayer, S. 64]. Иными словами, «истина» (или «правда») выступает здесь «в определенном смысле» как «не не-истина» (не неправда).

Таких манифестаций сущности кафкианской «логики» через фигуру литоты, на самом деле, М. Майер обнаруживает в многочисленных разбираемых текстах крайне мало (не наберется и десятка примеров). Тем не менее, автор заключает, что именно литота является у Кафки «предпочитаемой стилистической и мыслительной фигурой» (“bevorzugte Stil- und Denkfigur”) [Mayer, S. 88]. Появляется даже генерализующее обозначение применяемой исследователем стратегии как «литотетической герменевтики» (“litotetische Hermeneutik”) [Mayer, S. 79]. В свете обнаруженного «двойного отрицания истины»

и само искусство предстает у Кафки, судя по письму к сестре Оттле, «лишь гримасой истины» (“nur die Fratze der Wahrheit”) [Mayer, S. 125].

Надежда на строго риторическое прочтение литоты к финалу монографии окончательно покидает читателя, начинающего путаться в бесконечном переплетении стилистик, поэтик, риторик, логик, лингвистик и герменевтик. Ускользает и возможность поверить вместе с автором исследования в выделенную им фигуру как «предпочитаемую» в «риторике» Кафки: во всяком случае, показатели (весьма низкой) частотности употребления ничего подобного не подтверждают. Однако если забыть о дисциплинарной строгости и принять предельно широкое понимание автором «литоты» как, по-видимому, модели языкового, художественного мышления Кафки, репрезентирующего семантическую неопределенность всем строем произведений, можно получить подлинное удовольствие от интерпретационной виртуозности автора. Особенно вдумчивым, тонким выглядит в заключительной главе разбор рассказа «Нора» (“Der Bau”), словно созданного Кафкой в подтверждение концепции «двойного отрицания истины» и последовательной «тактики обезнадеживания» (“Unversicherung”).

Итак, за монографией профессора Аугсбургского университета Матиаса Майера, специалиста по феномену саморефлексии

в поэзии, издателя и знатока Гофманстала, исследователя «культуры лжи», нельзя не признать довольно филигранной работы по выявлению свойств языкового мышления Кафки. Всякому, кто начинает вникать или уже искушен в познании письма австрийского модерниста, предстоит настоящая радость от распутывания пусть и немногих, но важных ходов в «литотетической» риторике Кафки.

Риторика 2.0

Rhetoric and the Digital Humanities / Ed. by Jim Ridolfo and William Hart-Davidson. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2016. 338 p.

Совершенно очевидно, что «ремой» в данном заголовке выступает не риторика, а “digital humanities” – явление пока новое, в особенности как объект исследования, в особенности же в отечественном научном пространстве. Переводят термин как «цифровые гуманитарные науки», реже – «цифровая гуманитаристика» или «дигитальная гуманитаристика». Какой терминологический вариант победит, покажет время, остановимся здесь на конформистском решении: «цифровая гуманитаристика» читается, по нашему мнению, более органично для носителя русского языка, в котором лексема «дигитальный» не закреплена пока широкой практикой словоупотребления, а термин «гуманитаристика» между тем прочно вошел в академический

обиход и является более точным грамматическим эквивалентом английского 'humanities', чем словосочетание «гуманитарные науки».

Итак, в издательстве Чикагского университета, известного своей риторической школой с середины прошлого века, вышла коллективная монография, объединившая под одной обложкой теоретические дискуссии и прикладные исследования в новейшей области наук – цифровой гуманитаристике. Какую роль в них играет риторика, предстоит разобраться.

Расценивать гуманитарные науки «как нежизнеспособное, проблемное дитя Просвещения» [Hartmann, S. 7] стало сегодня печальным знаком если не методологического, то институционального кризиса «наук о духе» (Geisteswissenschaften), некогда составлявших гордость европейского образования и основу антропоцентрической картины мира. Сегодняшним гуманитариям приходится задумываться не только о корректировке объекта исследования (с появлением разных форм любительского письма, «электронной литературы», с интеграцией в художественный вымысел всевозможных нонфикциональных, медийных форм) и методологии (ввиду набирающей обороты междисциплинарности), но и об элементарном выживании, экономических сценариях самопродвижения. В этом последнем смысле книга американских коллег абсолютно лишена ложного целомудрия и прямо говорит о практических интересах.

Во «Введении» можно прочитать о финансовой и институциональной прагматике цифровых проектов, направленных на «увеличение финансирования, институционального признания, расширение аудитории», развитие конкурентоспособности на рынке труда в ситуации кризиса литературоведческих и историографических исследований, демонстрацию способности отвечать на вызовы рынка [Ridolfo, p. 3].

Область применения цифровых методов в гуманитаристике, осваиваемых в США с 1960 г. – это «работа с оцифрованными архивами и репозиториями, программным обеспечением для полевых журналов, машинный анализ рукописей, исследования в области сочинения и перекomпоновки (“remix”) текстов» [Ridolfo, p. 4]. По сложившейся в последние полвека традиции данные задачи входят в дисциплины цикла C&W (Computer & Writing), Rhetoric & Composition, однако сегодня связи между дисциплинами развиваются, что позволяет выделить Culture Rhetoric, Media Rhetoric, Writing Studies, Communications Studies и др. Цифровая гуманитаристика предполагает взаимодействие человека, компьютера и ориентированного на пользователя интерфейса [Ridolfo, p. 4]. Область «риторики» нигде в книге не определяется, поскольку, по умолчанию, входит в методологический фундамент всех дисциплин, связанных с порождением, обработкой, рецепцией текстов – цифровые корпусы

и цифровые формы бытования текстов здесь не являются исключением.

Коллективный труд разделен на три части: «междисциплинарные связи» (1), «исследовательские методы и методология» (2), «траектории будущего» (3). Последняя часть представляет прикладной интерес: здесь размещены короткие главы, посвященные отдельным проектам (например, исследованию поп-ап архивов локальной гастрономической культуры, компьютерному исследованию взаимодействия человека и новой материальной среды). Всего в книге 23 главы за разным авторством, и это довольно пестрое по тематике и методологии собрание текстов дает тем не менее многостороннее представление о том, как взаимодействуют сегодня цифровые машины, гаджеты с гуманитарием (и наоборот) и каким образом риторика продолжает сохранять роль метаязыка.

Отечественному филологу сложно сразу уяснить тот факт, что в американской системе образования уже «более века – начиная с факультетов английского языка – как гуманитарии отделили себя от риторики. Некоторые исследователи риторики больше не рассматривают себя как “гуманитариев”. Они обучены и работают на факультетах коммуникаций и практикуют социологические методы. Может возникнуть изрядная доля неприязни и подозрительности при сотрудничестве специалистов по цифровой риторике (digital rhetoricians) и цифровых гума-

нитариев (digital humanists)». Именно с этого осторожного замечания начинается свою главу А. Рейд («Цифровая гуманитаристика сегодня и возможности спекулятивной цифровой риторики») [Ridolfo, p. 15]. А. Рейд опирается на идеи Бруно Латура («Нового времени не было. Эссе по симметричной антропологии» / “We Have Never Been Modern”, 1993) и Квентина Мейясу, одного из основоположников «спекулятивного реализма». Мысль автора сводится к рефигурации отношений между природой и человеком, пересмотру современного герменевтического противопоставления «наук о природе» и «наук о духе» (В. Дильтей), природы и культуры: человек рассматривается теперь всего лишь как «участник среды» [Ridolfo, p. 17], он лишается антропоцентрической позиции.

Реконцептуализации подвергается и сама риторика. Как пишет А. Рейд, «риторика традиционно занималась человеческим символическим поведением», которое было его «онтологической характеристикой». *Спекулятивная риторика* (термин, созданный по аналогии со спекулятивным реализмом) – продукт постиндустриальной цифровой эпохи – начинается с признания языка «нечеловеческим» объектом. Она исследует «гибридное пространство, которое обычно делят между собой технология, природа, общество, культура и дискурсы» [Ridolfo, p. 19].

Менее радикальной, но вполне отвечающей тренду «дигитализации» наук о духе яв-

ляется критика «гутенберговой» риторики в главе, написанной Джеймсом Дж. Брауном младшим («Пересекая государственные границы: риторика и исследование программного обеспечения»). Если в традиционном гуманитарном образовании риторика была интегрирована в факультеты английской филологии, ориентированные больше на «потребление, а не производство текстов», на «экспертные мнения преподавателей, а не на применение риторических приемов в других ситуациях письма», цифровая риторика направлена на преодоление разрыва между «интерпретацией» и «производством» текста [Ridolfo, p. 20–21]. Демонстрирует этот новый тип «риторики» у Дж. Брауна электронная литература (electronic literature)¹, функционирующая интерактивно, на стыке «чтения и коммуникации», в «коллораации машины и человека» [Ridolfo, p.20–21]. Риторический арсенал используется здесь как удобная система описания: программное обеспечение предстает в качестве «средства убеждения», решения определенных запросов при генерировании текста; ключи-подсказки в интеракциях письма-чтения управляют «правилами

¹ В русском интернет-пространстве данная разновидность «интермедиаальной», «интерактивной», «игровой» литературы едва развита. Одним из свежих проектов, находящихся в стадии разработки, является, например, создаваемый молодым философом Михаилом Куртовым «метасимулятор» «Курёхин: вторая жизнь»: <http://philome.la/mirtov/kuryokhin-second-life/play>.

навигации»; находится место и метариторике – «риторике описания процедур» (“procedural rhetoric”), с помощью которых искомые аргументы выдвигаются по определенным правилам [Ridolfo, p. 24–27].

Автор анализирует произведение электронной литературы «Библиотека Рейгана» (“Reagan Library”, 1993) Стюарта Мулттропа (Stuart Moulthrop), в котором использованы софты HTML и Javascript для генерирования повествования (приводятся скриншоты страниц, схемы, описываются алгоритмы чтения-порождения текста). Читать это произведение можно, лишь «пересекая границы» пространственных зон (белых, красных и др.) в Quicktime-панорамах и участвуя в формировании повествовательного маршрута. Метафора границы, таким образом, интерпретируется автором и как граница виртуально-художественных пространств, и как «государственная граница» между дисциплинарными практиками, которые в цифровой риторике преодолеваются.

Междисциплинарные цифровые методы демонстрируются и в 3-й главе (Ш. Картер, Дж. Джонс, С. Хамкумпаи) на примере анализа проекта “Remixing Rural Texas: Local Texts, Global Contexts (RRT)” посвященного исследованию письменных и устных свидетельств о студенческом движении за расовое равенство в провинциальном университете Техаса в 1967–1968 гг. В проекте были задействованы архивисты, компьютерные техно-

логи, историки, специалисты по коммуникациям, политическим наукам, мультимедийным сервисам, кино, английскому как второму иностранному языку, риторике и письму. Междисциплинарность воспринималась участниками «и как позиция, и как подход» [Ridolfo, p. 40–41].

Интересный опыт представлен в 4-й главе, написанной Дж. Сан-Франчини на пересечении «риторики культуры» (cultural rhetoric), телесных практик, медицины, цифровой гуманитаристики и расовых исследований (race studies). Автор проанализировала 50 видеороликов с ютьюба, связанных с темой блефаропластики (операций на веке, изменяющих в итоге разрез глаз). В материал вошли новостные ролики и ток-шоу, слайд-шоу с изображениями до и после операции, свидетельства пациентов, журналы выздоровления и реабилитации после операции, лекции, документальные фильмы, реакции зрителей, онлайн-комментарии. Предметом наблюдения стали способы рациональной аргументации людей из Южной Кореи, Малайзии, Сингапура, Австралии, решившихся (или не решившихся) на блефаропластику. Выявленные пять способов аргументации автор почему-то называет «тропами»: это «рационализация», «эмоционализация», «прагматизация», «разделение природы и технологии», «социальная активность» [Ridolfo, p. 57]. Скорее, можно было бы говорить о типах риторической аргументации (здесь явно

присутствуют аргументы к пафосу, этосу и логосу, а видео-, аудио- и текстовые нарративы выступают в функции «естественных доказательств»). Подробно разбирая каждый из «тропов», Дж. Сан-Франчини показывает, что «аргументы» мотивированы расовыми, культурными, гендерными, социальными паттернами.

Во второй части монографии представлены более подробно методы исследования текстов с помощью компьютерных технологий: оцифровка рукописных и печатных текстов, видео- и аудиоматериалов; создание и анализ тематических корпусов текстов; кластерный анализ текстов; реконструкция генезиса создания произведений и культурно-исторического контекста с помощью цифрового отображения истории переизданий, комментариев, исследований, авторских документов (яркими проектами здесь являются цифровой корпус античных текстов “The Quintilian Project”: <http://caseyboyle.net/project/the-quintilian-project/> и проект оцифровки античных и средневековых текстов “Perseus Digital Library”: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/>); автоматизированный анализ текстов с точки зрения жанра, повествовательных моделей (работа программы DICTION), стиля (так называемые «стилеметрические» программы) и мн. др.

С точки зрения связи литературоведения (нормативных поэтик, формалистской поэтики повествования в духе В.Я. Проп-

па и структурной нарратологии), а также риторики жанров и стилей с количественными автоматизированными методами ценный материал предлагается в 11-й главе. Здесь демонстрируются процедуры по установлению «меры нарративности текста» в соответствии с алгоритмом выбора формальных и содержательных критериев («Жанр и автоматизированный анализ текста: демонстрация», Родерик П. Харт) [Ridolfo, p. 152–165].

Некоторую надежду на сохранение антропного принципа дает высказывание Д.Х. дон Вайсанена, автора 12-й главы, посвященной анализу компьютерных программ текстового анализа (DICTION, LIWC, Concordance, NVivo, QDA Miner's Wordstat, Signature, Java Graphical Authorship Attribution Programm): главное ограничение этих программ состоит в том, что «любая возможность понимания контекстуально связанных значений должна исходить от читателя, являющегося человеком» (“the human reader”).

Книга под редакцией Джима Ридольфо и Вильяма Харт-Дэвидсона демонстрирует, таким образом, как много уже сделано на пути коллаборации человека и компьютера в постижении как природы самого человека, так и его медиума – цифровых технологий. Риторика в этом отчасти пост-гуманном проекте выступает в роли спасительного, привычного западному уму инструмента количественного и качественного упорядоче-

ния новой текстовой реальности.

Литература

Агамбен Дж. Homo sacer. Чрезвычайное положение. М.: Изд-во «Европа», 2011.

Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни. Сумерки кумиров, или Как философствовать молотом. О философах. Об истине и лжи во вненравственном смысле / Пер. с нем. Мн.: Харвест, 2003. (Philosophy).

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики / Пер. с фр. А.М. Сухотина. М.: Едиториал УРСС, 2004.

Alt P.-A. Der ewige Sohn. München: C.H. Beck, 2008.

Bokhove, N., van Dorst, M. (Hg.). Einmal ein großer Zeichner. Franz Kafka als bildender Künstler. Praha: Vitalis, 2011.

Hartmann, D., Mohseni, A. u.a. (Hg.). Methoden der Geisteswissenschaften. Eine Selbstverständigung. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2012.

Hödl, H.G. Nietzsches frühe Sprachkritik. Lektüren zu “Ueber Wahrheit und Lüge im aussermoralischen Sinne” (1873). Wien: WUV, 1997. S. 36–69.

Mayer, M. Franz Kafkas Litotes. Logik und Rhetorik der doppelten Verneinung. München: Wilhelm Fink Verlag, 2015.

Nietzsche, F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg. von Giorgio Colli, Mazzino Montinari. München: dtv / de Gruyter, 1980.

Nietzsche, F. Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn. Stuttgart: Philipp Reclam. Kindle Edition, 2015.

Raoul-Duval, J. Kafka, l'éternel fiancé. P.: Flammarion, 2011.

Ridolfo, J., Hart-Davidson, W. (Ed.). Rhetoric and the Digital Humanities. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2015.

Wirtz, I.M. (Hg.). Kafka verschrieben. Göttingen: Wallstein; Zürich: Chronos, 2010.

References

Agamben, Dzh. Homo sacer. Chreswychaynoe polozhenie [Homo sacer. State of Exception]. Moscow, Izdatelstwo Evropa, 2011.

Alt, P.-A. Der ewige Sohn. München: C.H. Beck, 2008.

Bokhove, N., van Dorst, M. (Hg.). Einmal ein großer Zeichner. Franz Kafka als bildender Künstler. Praha: Vitalis, 2011.

Hartmann, D., Mohseni, A. u.a. (Hg.). Methoden der Geisteswissenschaften. Eine Selbstverständigung. Weilerswist: Velbrück Wissenschaft, 2012.

Hödl, H.G. Nietzsches frühe Sprachkritik. Lektüren zu "Ueber Wahrheit und Lüge im

aussermoralischen Sinne" (1873). Wien: WUV, 1997. S. 36–69.

Mayer, M. Franz Kafkas Litotes. Logik und Rhetorik der doppelten Verneinung. München: Wilhelm Fink Verlag, 2015.

Nizshe, F. O polze I wrede istorii dlya zhizni [On the Advantage and Disadvantage of History for Life]. Minsk, Harwest, 2003.

Nietzsche, F. Sämtliche Werke. Kritische Studienausgabe in 15 Bänden / Hrsg. von Giorgio Colli, Mazzino Montinari. München: dtv / de Gruyter, 1980.

Nietzsche, F. Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn. Stuttgart: Philipp Reclam. Kindle Edition, 2015.

Raoul-Duval, J. Kafka, l'éternel fiancé. P.: Flammarion, 2011.

Ridolfo, J., Hart-Davidson, W. (Ed.). Rhetoric and the Digital Humanities. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2015.

Sossyur, F. de. Kurs obshey lingvistiki [Course in General Linguistics]. Moscow, Editorial, 2004.

Wirtz, I.M. (Hg.). Kafka verschrieben. Göttingen: Wallstein; Zürich: Chronos, 2010.

NEW BOOKS ON RETHORIC

Vera V. Kotelevskaya, PhD, Assistant Professor at Southern Federal University, Rostov-on-Don; e-mail: luga17@rambler.ru.

Abstract. The review gives a concise observation of the recent conceptual frames suggested by books in the field of rhetoric, with special emphasis on a volume of newly revised philosophical and linguistic texts by F. Nietzsche, with commentaries (*Über Wahrheit und Lüge im außermoralischen Sinn*. Stuttgart: Philipp Reclam. Kindle Edition. 2015), a monograph, devoted to litotes as a figure of speech, preferred by F. Kafka (Mayer M. Franz Kafkas Litotes. *Logik und Rhetorik der doppelten Verneinung*. München: Wilhelm Fink Verlag, 2015), and a volume of papers on digital humanities, written by American scholars, in which rhetoric is considered a kind of metalanguage (*Rhetoric and the Digital Humanities* / Ed. by Jim Ridolfo and William Hart-Davidson. Chicago and London: The University of Chicago Press, 2016).

Key words: rhetoric, rhetorical turn, digital humanities, Mathias Mayer, Friedrich Nietzsche, William Hart-Davidson, Jim Ridolfo.

